

Empora matantura

ЭТОТ ДОЖДЬ навсегда

Андрей Марченко

ФАНТАСТИКА

Так получилось, что чужак и осень прибыли в город одновременно.

Огромный четырехосный дилижанс, запряженный восьмеркой лошадей, въехал в город в последний час лета. Но пока катил улицами к почтовой станции, лето и закончилось. Вытекло последними крупичками через узенькое горлышко песочных часов.

На станции, пока форейтор и кучер поили лошадей, кондуктор обошел дилижанс. Обнаружил сомнительно молодого мужчину, спящего в уголке, чей билет окончился летом. Расталкал того довольно грубо:

— Ваш билет просрочен.

Пассажир открыл один глаз:

— Как давно?

— Уже четверть часа.

— Могли бы дать мне досмотреть сон.

Но кондуктор помнил, как вчера этот пассажир покупал билет: на последние деньги, куда хватит.

— А вам не все равно, куда вы приедете? — спросил кондуктор.

— Положим, все равно, — согласился пассажир, открывая второй глаз. — А сон-то могли дать досмотреть. — Но далее без споров поднялся и пошел к выходу из дилижанса. Багажа у него не было.

Как только он ступил на землю, начался первый осенний дождь. Странник поежился, накинул башлык. Осмотрелся.

Город спал, укрывшись пеленой тумана и дождя. В окнах домов давно уже потухли огни. Лишь порой где-то дрожал свет лампадки или ночника, да кто-то, мучимый бессонницей, проходил со свечой в тепле частных квартир. Но ярко горели фонари почтовой станции, светила зеленая лампа Неспящего Легиона, сзывая души заблудшие или, возможно, озябшие.

— Город... — подытожил чужак. — Город, не хуже и не лучше других.

Кучер щелкнул кнутом. Полоснул воздух, но не ударил лошадей. Те вздрогнули, очнулись от полудремы. Дилижанс, на котором прибыл чужак, тронулся. Без него.

Прибывший зашел на Пост Неспящего Легиона. Пожелал дежурной сестре доброго утра. Та, зевая, кивнула. Дескать, да: утро доброе, но уж очень раннее.

От миски бесплатной похлебки гость отказался, зато попросил крепкого кофе. К нему получил обязательную брошюру. Сел за столик и первые несколько глотков честно изучал книжицу. Затем спрятал ее в карман жилета.

Совершенно уместно на лавочке рядом лежала газета, забытая кем-то из посетителей. Чужак поднял ее и листал довольно долго, пока в чашке оставался кофе. Затем попросил еще чашечку.

Местный кофе только так назывался, а из чего готовился — неизвестно. Может быть, из пережженного ячменя, может, из дубовой коры, но рецепт его приготовления держали в секрете, вероятно, чтоб не пугать клиентов. Тем не менее заснуть после этого кофе удавалось немногим — мешал отвратительный вкус во рту.

Чужак искал: а не пригодится ли он кому? Может быть, кто-то ждет его в этом городе? Прочел газету тщательно, но нет, не нашел ничего. И когда город проснулся, отправился в самую газету. Отчего? Наверное, оттого, что иных адресов в этом городе он не знал.

В углу кабинета главного редактора лежал черный кот, настолько старый, что стал совсем седым.

Его обычное место сегодня с утра оказалось занято. В старом кресле сидел чужак — человек сомнительно молодой. Но кот оставался спокойным: чужаки приходят и уходят, редакторы приходят и уходят, а он, кот, остается.

— Так чем могу быть полезен, — начал редактор, — господин... э-э-э? — И принял твердокаменную позу: ссутулился, сгорбился, стал меньше, свел пальцы в замок. Дескать, если редактор может быть чем-то полезен, то очень, очень немногим.

Но пришельца это не смутило.

— Господин Э! — представился он. — А насчет полезности, то надеюсь, что это я буду для вас нелишним. Мне нужна работа.

— А что вы умеете делать? — спросил редактор скорей из приличия. — Работали раньше в газете?

— Конечно, работал. Могу заниматься чем угодно! Можно описывать сенсации, можно их создать. Скажем, однажды, для того чтоб устроиться военным корреспондентом, я спровоцировал военный конфликт. Также можно организовать на фабрике афродизиаков выброс в воздух настойки шпанской мушки. Материала для газеты хватит на месяц... На худой случай могу составлять гороскопы.

Редактор раздраженно махнул рукой:

— Да что вы! Ясно: вы не местный. Но я должен пояснить, что в герцогстве запрещено колдовство. Соответственно нельзя заниматься алхимией и астрономией.

— А какая работа есть?

— Положим, синоптика, — поморщился редактор.

— Замечательно! Я могу работать синоптиком!

Редактор посмотрел на посетителя взглядом удивленным. Потом очнулся: ну да, конечно, чужак.

— Видите ли, в чем дело... Вся беда в том, что в герцогстве прогноз погоды регламентирован государственным стандартом. И вместо того чтобы давать неточный прогноз, мы не публикуем вовсе никакого. Некоторые издания пытались давать прогнозы невнятно: дескать, завтра будет новый день, будет солнечно, если, конечно, не появятся тучи, наверняка будет ветер, хоть какой-то, хоть в каком-то направлении... Но мы серьезное издание, мы не можем себе такого позволить.

Господин Э глубоко задумался и кивнул:

— Я могу попововать.

Редактору эта идея не понравилась. Ему вообще мало что нравилось — к этому располагали болезни, возраст и должность. И посетитель казался ему очередным проходимцем, которому только то и надо, что опорочить честь газеты. Но неожиданно для себя сказал:

— Ладно, пробуйте... Давайте условимся: мы примем вас с

недельным испытательным сроком. Вы напишете семь прогнозов на семь дней. Если угадаете, скажем, пять... Да, пять — сгодится. Если угадаете — значит, вы приняты.

— Но у меня совсем нет денег, — заметил господин Э. — Мне нечего есть.

— Не понимаю, какое отношение деньги имеют к погоде. Впрочем, — фыркнул редактор, удивляясь собственной щедрости, — столбоваться можете в редакции. Я распоряджусь. Годится?

Господин Э молча кивнул.

Редактор порылся в ящиках стола и после длительных поисков извлек на свет тоненькую брошюрку — тот самый государственный стандарт на погоду. Стал читать его тоном нудным:

— Порывы ветра не должны превышать двадцати ярдов в секунду, норма осадков в этом месяце — не более трех с половиной дюймов...

Очевидно, он считал, что нет ничего скучней прогнозов погоды.

Надо ли говорить, что господин Э испытательный срок выдержал? На семь дней он написал семь прогнозов, и все оказались правильными. Да и могло ли быть иначе? Не выдержит он испытаний, какая бы у нас получилась история? Рассказ об обыкновенном человеке.

Хотя, с другой стороны, а бывают ли люди совершенно обыкновенные? Все ведь разные. И если найдется человек ну совершенно обыкновенный, не выделит ли его заурядность из пестрой толпы?

А говорят, случается и иначе, раз в тысячу и четыре года. Отчего такое некрутое число — неизвестно. Вероятно, у законов мироздания свой счет времени.

Но как бы то ни было, случается ночь, когда никто не смотрит на небо и звезды, приходя в движение, слагают новые созвездия. И под этими безумевшими звездами, под новыми созвездиями рождается человек, для которого ни один звездочет не составит гороскопа.

Так ли много в мире людей с неучтенной судьбой? А кто его знает.

Господину Э достался маленький кабинет с двух столов и трех стульях.

Изначально синоптик думал, что кабинет принадлежит только ему. Но однажды, войдя в кабинет, за другим столом обнаружил сравнительно молодого человека.

Тот сидел так уверенно, к тому же что-то быстро заносил на бумагу. Не оставалось никаких сомнений: человек на своем месте. И в смысле прямом, и переносном.

Обменялись рукопожатием.

— Давно работаете в газете? — спросил господин Э.

— Уже с полгода, — ответил собеседник и отчего-то пожал плечами.

— А я вас раньше не замечал.

— Моя работа — сезонная. Я комментирую солнечные затмения, дабы они не были поняты народом превратно.

— А что, это такая важная проблема?

— Одна из животрепещущих! — воскликнул молодой человек. — Среди народа бытует мнение, что кометы и затмения суть предвестники всяких несчастий и бед. Некоторые люди, так и не дождавшись неприятностей, пускаются во все тяжкие самостоятельно.

— Ага, понимаю. Я давно заметил, что неприятности никак не связаны с природными явлениями. Вообще же предвестником неприятностей является фраза вроде: «Завтра вы будете казнены». А все остальное — предрассудки.

— Именно, — кивнул молодой человек. И принялся за работу. Писал он быстро, перо царапало бумагу, брызги чернил летели вокруг.

Зато господин Э явно скучал. Затем достал из своего стола две чашки, налил в них воды из банки, припасенной для полива комнатных цветов. Сотворил знак — вода в чашках мгновенно закипела. Готовый кофе подал своему коллеге. Кивнув, тот принял напиток.

— Кстати, — спросил Э, — а отчего у вас запрещено колдовство?

Собеседник откинулся на спинку стула и с блаженнейшей улыбкой пригубил из чашки.

— Видите ли, в чем дело. Молодой герцог, наследник, одно время слыл человеком крайне романтичным. Ему было мало простых баронесс, княгинь. Обязательно требовалась принцесса, и чтобы непременно спящая. Но в конце концов столкнулись на принцессе-лягушке. Поцеловал ее, как водится. Расколдовал. Уже готовились к свадьбе. А она, представьте себе, сбежала к королевскому двору!

— Как ни странно, представляю. Она-то, может, и превратилась в человека, даже в человека красивого, оделась в парчу. Но сердце-то все равно осталось прежнее, холодное, лягушачье.

— Ну вот... Молодой герцог в расстроенных чувствах. Но смеху, доложу я вам, — на три герцогства вокруг. Дамуазели на выданье от нашего нос воротят: дескать, он с лягухами целовался!

Господин Э улыбнулся, ровно насколько допускали приличия. Чужаку не положено насмехаться над бедами герцогства...

Через четверть часа коллега сказал:

— Вот я закончил свою заметку. Надобно отнести ее редактору. Если хотите, могу отнести и вашу.

Господин Э кивнул, присел за стол, достал чистый лист, открыл чернильницу. И остановился.

— О чем задумались?

— Да так, — ответил Э, — думаю, что бы написать.

— А вы наш синоптик?

— Угу... — согласился Э.

— А какая погода будет завтра?

— А какая вам нужна?

Тот улыбнулся:

— Поскольку я завтра иду гулять с барышней, то и погода меня устроит солнечная и теплая.

Господин Э молча что-то быстро написал. Затем протянул лист коллеге.

Ночь опускалась на город, в котором господин Э не был уже таким большим чужаком.

А что надо человеку, чтоб считать город своим? Один друг и, может быть, пару приглашений на чай.

Впрочем, речь все же не о чужаке, а о ночи, что затапливала улицы города, добиралась до крыш домов, смывала с них последние лучи солнца.

События, как правило, происходят днем. Обретают полноту, проходят проверку. Эвон, был недавно случай: астроном за ночь открыл три новых кратера на Луне, пять комет и одну планету. С утра казалось — сенсация, а к обеду выяснилось: линзы плохо протер.

А вечером новости прекращают свой бег. Герцог откладывает очередной указ, переодевается в домашний халат и тапочки. Отужинав, отходит ко сну, как и все его верноподданные.

Засыпают в тавернах и на почтовых станциях гонцы, прижав к груди сумки с не слишком важными новостями. Зато просыпаются воры, чтобы творить иные новости, о которых люди узнают лишь утром.

С темнотой пустеют коридоры редакции. Но загораются лампы на самом нижнем этаже, в типографии. Наборщики складывают новости, делают это наизнанку, в отражении зеркальном. Работники пьют медленный чай и принимаются за работу: заправляют печатную машину краской и бумагой. Проходит немного времени, и дежурный держит в руках новый номер газеты с

новостями если не горячими, то уж точно теплыми. И когда обыватель проснется, то вместе с утренней бутылкой молока получит свежую газету, из которой узнает, что:

«...Из дворца сообщают: герцог подписал разрешение о проведении послезавтра солнечного затмения с целью увеселения населения. Для пропустивших сие зрелище будет дан повтор через шесть лет и три месяца.

Цирк приглашает! Там почтенной публике впервые будет продемонстрирован смертельный номер. Тигры отмечают: и, возможно, в последний раз.

...Объявления:

Железный дровосек продаст эмалированные сапоги...

Точу мечи, сабли, паяю доспехи, латаю гербы...

В нижнем уголке последней страницы — прогноз погоды, в котором сообщается, что она будет теплой, ясной и почти безветренной. Чуть ниже — приписка, попавшая, вероятно, из иной статьи: «Все будет хорошо».

Затмение состоялось ровно в обозначенный срок.

Через закопченную пластинку господин Э и его сосед по редакционной комнате глядели на ополовиненное солнце. Впрочем, окна в редакции были изготовлены из стекла не лучшего, да и протирали их довольно давно.

— А скажите, — проговорил господин Э, — отчего так мелко? Зачем разрешать только затмения? Не следует ли написать отдельный указ о восходе солнца, о графике луны, о ветре или дожде? Впрочем, простите. В последнем направлении уже что-то сделано.

— Вы о стандарте на погоду?

Господин Э скупно кивнул. Ему был ответ:

— А иначе нельзя! Народ начнет роптать: как правительство допускает такие холода! Кто-то должен быть ответственным. Скажем, прошлый канцлер ушел в отставку после того, как за неделю выпала сезонная норма осадков. Все овощи попросту сгнили.

— Но канцлер-то никак не мог повлиять на погоду?

— Не мог. Но надо же было на кого-то свалить. Тем более старик давно собирался на пенсию. Кстати, должен сказать, что вчера действительно все прошло хорошо. В том числе и в отношении погоды. Как вы думаете, в выходные погода будет такой же хорошей?

Синоптик кивнул — не то рассеяно, не то задумчиво.

А вот на станцию прибывает очередной дилижанс. Кучер поставит фургон на тормоз, спрыгнет на землю, разомнет спину, неспешной походкой обойдет вагон. Из ящика, что сзади, достанет объемистые пост-пакеты. Выбросит на землю пачку газет из стран далеких и даже из одной заморской. Взамен их положит иные пачки, что дожидались экипаж в городе. И вернется к своим кучерским делам — мало их, что ли?

Ведомо ли ему, какие он новости привез? Наверняка нет, ибо некогда ему газеты читать. Иное он читает: облака на небе, карты, знаки на дороге. Приметы: достаточно ли черная кошка перебежала дорогу, чтоб менять путь. Еще, может быть, за стаканчиком пива послушает дорожную сводку от других кучеров. Но это только после работы, ведь пьяный на козлах — убийца.

Впрочем, разве наш рассказ о кучерах? Ведь нет...

На почтамте пакеты рассортируют, и уйдут они по разным адресам. Свою пачку получат и в местной газете. Редактор пробежит глазами по страницам, нет ли чего подходящего для перепечатки. Ага, вот оно!

Так и есть: сенсация, можно сказать, катастрофа. Но не у нас, слава богам, а далече. У нас, как водится, без перемен. Все спокойно, как болото в лесу.

Где-то далеко, при последнем издании «Алхимии для начинающих», в уравнениях трансмутации была допущена досадная

опечатка, из-за которой уравнения все же заработали. Результатом было то, что в провинции начался экономический кризис. Золото стало дешевле серебра. Зато нельзя найти и кусочка свинца.

Ныне в тех краях идут проверки «Астрологии для самых маленьких» и «Занимательной демонологии»: не напортачили ли редакторы и в тех книгах?

Жители герцогства прочтут и покачают головой, ибо у них такое невозможно: закон колдовать не позволяет. Лишь кто-то спросит: «А что за страна упомянута? Что за герцогство?» Многие пожмут плечами. Иной человек поумней, которому молчать не положено в таких случаях, ответит: «А кто его знает? Я никогда не слышал. Наверное, далеко».

Но кто-то из дотошных, из тех, кого не любят преподаватели, перелистает фолианты и сообщит: дескать, такой страны на картах мира не имеется вовсе. Она — в головах, потому что придумали ее триста лет назад безответственные сказочники.

Окажется: пираты захватили галеон с разобранной типографией на борту. На одном потаенном острове собрали ее и ноне печатают «Корсарский вестник». А когда затишье или штиль — хулиганят, составляют ведомости стран, которые тут же и выдумывают. Затем, под видом ограбления, останавливают дилижансы. Обирают немного, больше для порядка, а на самом деле подбрасывают фальшивые газеты, ненастоящие новости и прочую мелочь.

Писали, например, про короля, что умер от недоедания. Не потому что есть было нечего, а просто не хотелось. Или что где-то завелись жуткие вауки, которых травить можно только акустической содой.

Такие вот истории.

Город постепенно впадал в осень. Народ стал спокойней, меньше спешил, но реже опаздывал. Механическая кукушка, которая жила при часах в муниципалитете, время отмеряла крайне неоточно и неточно. Ее можно было понять: из металлических шариков она высиживала птенцов.

А утром первого дня выходных утренние газеты чуть не во всем городе остались в своих ящиках. Действительно: какая глупость читать газеты, если на улице стоят такие погоды? Может быть, это последние теплые деньки в настоящем году.

И гуляет народ обстоятельно, неспешно, дышит глубоко, слушает, как падает с деревьев отяжелевший к осени лист.

Хорошо гулять по парку — под павшей листвой не разглядеть, где дорожка, где газон. Еще неплохо посидеть на террасах кафарен, вылавливая из чашек с кофе все тот же павший в неравной борьбе с осенью листок.

Нагулявшись, ужинали с отменным аппетитом. Разворачивали газету, которая за день еще не успела состариться, начинали читать:

«...Вчера из цирка сбежал дрессировщик. Хотя, возможно, тигры чего-то недоговаривают...

...Хозяйке на заметку: от комаров в подполе можно избавиться, пустив туда несколько лягушек...

...Объявления:

«Утеряны ключи от квартиры. Считать недействительными.

С далекой войны: «Сдам крепость недорого. Торг уместен».

И, только добравшись до последней страницы, обыватель узнавал, что совершенно не напрасно сегодня запасался осенью впрок.

«На будущей неделе задождит, — сообщал синоптик. — Но наверняка все обойдется...»

У всех есть своя тайна.

В издательстве тайна была даже у редакционного кота.

Он прикармливал мышей, дабы те не сдохли с голоду. У мышей ведь рацион состоял из бумаги, клея и сыра, с риском для жизни добытым из мышеловок. Мыши даже хотели уйти из издательства, и коту пришлось вести с ними длительные переговоры. В конце концов, если нет мышей, зачем нужен кот? А кот слишком стар, чтоб искать новое место работы.

Но с появлением господина Э концентрация тайн в редакции оказалось значительно повышенной. Казалось, тайна рядом, за углом коридора. Ты сделаешь неверный шаг, подойдешь слишком близко — она набросится на тебя, расскажется. И ты никуда не денешься — станешь причастен к тайне. Не сможешь сказать: «Я тут ни при чем». Стало быть, твоя жизнь уже не будет такой спокойной...

Действительно — зачастили дожди. Многие в редакции успокаивали себя: дожди осенью такая же нормальная вещь, как листопад. В самом деле — что это за осень без желтого листа, без туманов поутру и дождей. Тем паче что аграрии смутно намекали, будто дожди даже осенью весьма полезны. Хотя бы для того, чтобы эти самые аграрии в полях от усталости не скончались, а могли бы отдохнуть в теплых домах или как придется.

Каждый день к синоптику приходили за прогнозом погоды, надеясь, что хоть завтра можно будет оставить зонт дома. Но господин Э каждый день выдавал припасенный заранее дождливый прогноз.

— Не волнуйтесь, этот дождь не навсегда, его обязательно что-то сменит, — успокаивал он.

— Что именно? — вопрошал нетерпеливый посетитель.

— Например, снег.

И посетитель удалялся, сочтя, что дождь — это зло наименьшее.

Заходил редактор. Был он невесел.

— Я ведь понимаю, что это ваши шуточки с погодой. И даже подумывал вас уволить. Но от герцога поступило распоряжение: синоптика не трогать. Во дворце у вас есть могущественный покровитель.

— В самом деле? — удивлялся господин Э. — Но я там никого не знаю.

— Зато знают о вас.

В ответ господин Э пожимал плечами: его это совершенно не касается. Можете его выгнать, посадить в тюрьму, отрубить голову и прочие конечности. Ну и что с того? Он уйдет, а прогноз погоды останется. Пройдет время, и город в вечном дожде порастет мхом да плесенью, а то и просто затопит улицы. Действительно, надо радоваться, что дождь не проливной и вечно забитые водостоки с ним как-то справляются...

От дождя похолодало. Синоптик тоже страдал от этого, мерз. Ходил в забытой кем-то шинели, кутался в холодное казенное сукно. Пил кофе чашку за чашкой, угощал им других. В холодных комнатах от чашки шло много пара и кофе быстро остывал.

Очевидно, именно из-за кофе господин Э никак не мог заснуть, и далеко за полночь горел свет в окне его кабинета. Если бы кто поднял голову, то увидел бы за стеклом самого господина Э. Был он грустным. То ли так на него влияла погода, то ли, напротив, погоду он мастерил под себя.

Но его мало кто видел: дождь располагал к тому, чтобы смотреть под ноги, а не вверх. Воды с неба пролилось изрядно, она

уже не впитывалась в землю — повсюду лужи.

И вот настал вечер, когда господин Э вместо того, чтобы заварить очередной кофе, потушил свечи. Застегнул шинель, прошептал своим башмакам заклинание непромокаемости и вышел в ночь.

Утром синоптик был уже на работе, но в мире что-то изменилось.

Номинально дождь еще шел, струйки воды перечеркивали оконное стекло. Но было их уже немного, и в нити дождя влеталось нечто мелкое, что, кажется, и не падало вовсе.

Сам господин Э улыбался дежурной чашке кофе.

— С чего это вы повесели? — спросил коллега. Хотя ближайшее солнечное затмение ожидалось очень не скоро, юноша постоянно заходил в редакцию.

— Сегодня встретил старого друга, — объяснил господин Э.

— Вы не говорили, что у вас есть старый друг в этом городе, — сказал юноша и осекся, хотя господин Э вообще ничего не говорил о друзьях, ни в этом городе, ни в любом другом. — И кто он? Тоже синоптик?

— Тоже бродяга, как и я, — покачал головой господин Э. — Путешествует по осени.

— Это как?

— Да очень просто. Мы движемся в пространстве, он — во времени. Его можно встретить во многих городах, странах. Иногда в разных местах его видят одновременно. Если вдруг кто-то оказался в закрытой снаружи комнате или в сейфе — это он. Если кто-то исчез из карцера — это тоже он. Но всегда — только в это время года. Для него осень — навсегда.

Юноша пожал плечами и улыбнулся: дескать, все равно не понимаю. Господин Э подмигнул: ничего, со временем поймешь. Затем подумал и сказал:

— А давайте устроим нечто разедакое?

Юноша не понял, что господин Э имеет в виду, но на всякий случай кивнул:

— А вы не могли бы выдать прогноз наподобие: «весна начинается сегодня»?

— Именно такой не могу. Все же, согласно государственному стандарту, сейчас осень. Но что-то мы обязательно придумаем.

Редактор критически осмотрел поданное сообщение. В очередной раз скорчил гримасу: уж лучше бы синоптик принес обыкновенный дождливый прогноз.

Прочел написанное вслух:

— «Завтра дождь изменит направление. Установится ясная погода. Ночью на город падет метеоритный ливень силой десять-пятнадцать желаний в минуту».

— Ну да, — кивнул господин Э.

— Это как дождь может изменить направление? Пойдет вверх?

— Именно! Я смотрел государственный стандарт. Там ни слова не сказано, что дождь пренебрежимо должен идти сверху вниз.

— Разве так бывает?

— А как, по-вашему, вода попадает на небо.

— Ваши прогнозы...

— Мои прогнозы — это нонетехнология. Если хотя бы сотня людей верит, что завтра пойдет дождь, отчего бы ему действительно не пойти?

Редактор задумался. Потом спросил:

— А что насчет метеоритного дождя? Это же колдовство!

— Это наука. Звезды светят вне зависимости, верят ли люди в астрологию или астрономию.

— Герцог этого точно не потерпит! — не унимался редактор.

— Потерпит, — спокойно сказал юноша-сосед. — Сообщение о звездопаде дайте и с моей подписью.

И действительно: прошло еще немного времени, и капли пе-

рестали падать на землю. Однако то водяное крошево, что висело в воздухе, не пропало, а усилилось. Оно касалось луж, но не рвало кожу воды, а выбивало все новые и новые капли. И если тогда кто-то всматривался в окно, то замечал: действительно улетали к облакам. Те становились все тяжелей, темней, но подул ветер и за четверть часа растащил их.

В дождливую осень словно зашел заблудившийся летний день.

А ночью небеса вздрогнули, и с них посыпались звезды, будто яблоки в саду. И люди выходили на балконы, на улицы, следили за звездопадом. Просили у небес о чем-то своем.

Сколько желаний было загадано в ту ночь, неизвестно. Тем паче никто не знает, сколько их сбылось.

На следующий день газеты вышли с сообщением:

«С глубоким удовлетворением сообщаем, что объявленный звездопад состоялся в объявленном ранее объеме. Спасибо за внимание».

А вот еще сообщение из другой рубрики:

«Из братских царств нам сообщает пресса: королева царства, что за три границы к северу и направо, сегодня ночью превратилась не то в жабу, не то в тыкву».

И уже не понять, кто это желание заказал: то ли молодой герцог, то ли старый. Или вовсе человек, имевший к этой истории касательство далекое. А может быть, и не в желании чем-то все дело, а в законах природы. Ибо каждому свое, и лягушка должна быть лягушкой, а не создавать конкуренцию натуральным барышням.

А вот скажите, есть ли волшебство тогда, когда распадается колдовство? Обязательно ли для чуда надо колдовство? Можно ли сотворить чудо без волшебства?

Порой бывает, что две вещи, совершенно естественные сами по себе, соединяются и образуют нечто удивительное: например, улитку на листе крапивы.

Или еще: осень и цветение акации. Сколько раз осень вошла в нашу жизнь, сколько раз мы вдыхали запах цветов акации? Но когда осенью зацветает ветка акации, это, конечно, не волшебство, а чудо. И прежде чем сорвать ее и отнести любимому человеку — подумай, а не этим ли чудом живет квартал, дом? Не ты им дал это чудо, не тебе его и отнимать.

Кстати, коль уже заданы многие вопросы, добавим еще один. Можно сказать: много зим, лет, весен. Но осень — всегда одна. Отчего?

А в городе сгушался туман.

Горожан это не удивляло: в прогнозе погоды туман был упомянут. И надо признаться, удался он на славу. Это был туман, сваренный по всем правилам туманной науки: за десять ярдов не разглядеть лица.

По случаю тумана вечер и ночь наступили раньше ожидаемого. Люди отходили ко сну, отложив на завтра дел чуть больше, чем обычно.

Городу крепко спалось в вате тумана, он окутывал дома и улицы, словно одеяло, звуки становились глуше. Можно услышать шаги, но не понять, идет ли человек к тебе или совсем в иную сторону. И свет фонарей растворялся в пелене так равномерно, что не было видно огня. Казалось, что светится сам туман.

Как обычно, зажегся свет в типографии, застучала печатная машина. Как всегда, горел свет этажом выше. Но потом погас и он. Кот, живущий в редакции, как и большинство стариков, страдал бессонницей. И, лежа в редакторском кресле, слышал шаги в коридоре, а потом на лестнице. Но не обратил на них внимания: рано или поздно уходят все. Будь иначе, кто-то бы уже вычислил, сколько этому коту лет на самом деле.

Скрипнула входная дверь. Дом проглотил немного тумана, но выпустил человека. Человек растаял в тумане. Пока шел через город, никем не был встречен. Может быть, ему удалось бы даже

ФАНТАСТИКА

сесть в дилижанс без билета, но нет: остановился у расписания, подошел к кассе.

Как ни странно, его там ждали. Из тени к господину Э вышел юноша, с которым он делил кабинет.

— А я ведь догадался, что этот туман неспроста. Вы выдумали его, чтобы удобней было бежать из города. Наверняка вы все уже решили, и отговаривать вас совершенно без толку.

Господин Э кивнул: да, именно так.

— И где не помогают уговоры, поможет сила. Я ведь могу позвать стражу, чтобы она арестовала вас по обвинению в колдовстве.

— Не сможете, — улыбнулся господин Э. — Ведь я тоже о вас кое-что знаю. Старый герцог благоволил ко мне неспроста. За меня наверняка хлопотал его сын. И это были вы. Всем известно, что молодой герцог — романтик. А романтики не зовут стражу.

Теперь кивнул юноша: да это так, блеф не удался.

Вместе прошли по станции к дилижансу.

— Так что, город потеряет своего синоптика? — спросил молодой герцог, просто чтобы не молчать.

— Моя профессия — бродяга, — покачал головой Э. — Когда заканчиваются деньги на билет, я становлюсь синоптиком, часовщиком, трубочистом или трубадуром. Все зависит от того, кто нужен в городе. — Он порылся в кармане и достал конвертик: — Вот, возьми.

— Что там?

— Прогноз погоды. Когда тебе станет тяжело — разверни его. Тучи развеются, и солнце согреет. Только хорошая погода — это не все, что нужно для счастья. Но обидно, когда в день свадьбы идет дождь.

Уже стоя на ступеньке дилижанса, господин Э обернулся:

— Кто твоя избранница?

— Вы не поверите, обыкновенная учительница. А я для нее — просто репортер.

— Отчего не поверю — очень даже верю! Верь и мне: все будет очень хорошо. — И господин Э занял место в салоне. Почти тут же дилижанс тронулся.

Молодой герцог пошел домой, во дворец.

В окнах домов один за другим гасли огни. Город отходил ко сну. Туман становился все холодней.

На станции зазвонил колокол, отмечая прибытие нового дилижанса.

